

Душа

Я знаю, в этом мире есть душа.
В капельках дождя, в сумраке вечернем
Она живет, все чувствуя, дыша,
Задремав немного в холоде осеннем.

Душа живет в деревьях и в цветах,
В каждом муравье и маленькой травинке,
И даже в скошенных полях
Легко ступает по людским тропинкам.

Душа цветет с ромашкою любой,
Горит в костре и умирает с пеплом,
С ростком рождается весной,
По миру жизнь разносит ветром.

Душа живет и принимает боль,
Что каждый миг Земля переживает.
Морей с себя смывая соль,
Она Истоки мира охраняет.

Из тонких солнечных лучей
Она связала одеяло
И в холод мартовских ночей
Душа им Землю согревала.

Душа поет и плачет, как дитя,
Душа любовь в сердцах разбудит.
Ее творенье - красота,
В ее руках гармония наступит.

Как в сказке птицей обратясь,
Она в лучах и облаках порхает.
Мечтать и верить не боясь,
Творить кого-то вдохновляет.

Ей не нужны традиции, законы.
Душа пойдет по своему пути.
И если с ней вы не знакомы,
Попробуйте почувствовать, найти.

Ольга Воробьева

ВОЙНА

Ломаются копья, ведется война,
С рождения мира, ничуть не остыла.
Кровавая, жесткая, злая борьба –
Сражаются светлые и темные силы.

А все мы зачем-то участвуем в ней,
И каждый свое испытанье проходит.
Ведь бой тот незримый за души людей
Внутри человека всегда происходит.

И правил тут нет, а за ходом борьбы
Кто-то с обеих сторон наблюдает.
Исход неизвестен, слепой нет судьбы,
Выбор всегда за людьми оставляют.

Тут демон заманит в отряды свои,
Как в топку угля добавляя желаний.
Ты с ним побеждаешь большие бои,
Не зная, насколько смертельно ты ранен.

А биться за свет – неподъемна цена.
В том мире, где золото ветры меняет,
Правда, увы, никому не нужна...
Но люди, как прежде, все сами решают.

Но стрелы остры и туга тетива,
Кольчуги все также прочны и красивы.
И миром не кончится эта война.
Борьба горяча, пока мы еще живы.

Ольга Воробьева

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Тихонько занимается рассвет
И заря пылает алым светом.
Облетает яблоневого цвет-
Старый сад здороваётся с летом.
Солнца первый лучик-малышок
Прикоснется ласково к травинке,
Робко приголубит лепесток
В сонных ветках яблони путинки,
Ромашку нежно тронет по пути,
Коснется радугою маленькой росинки...
И та, в жемчужный кутаясь отлив,
Тихонько задрожит на паутинке.
Смелея, луч взберется на бугор,
Проскачет зайчиком по деревенским крышам,
Спросонья хрипый петушинный хор
Хозяйки хлопотливые услышат.
Позолотив смородину в саду,
Проказник-луч нырнет в мое окошко,
Шаля лизнет подушку на ходу
И по щеке попрыгает немножко.
Шепнет на ушко:" Утро на дворе,
Сейчас уже растает ночь в овраге.

Гляди, как в огороде на бугре
Неистово запольхают маки!"
И я бегу босая по росе
Смотреть на это колдовское пламя,
И слышу, как звенит косой отец,
И как в ответ ему смеется мама...
С сестренкой отгоню гусей на речку...
Назад в обнимку с солнышком вернусь.
Нет! Не полезу больше спать на печку,
Я лучше с лучиком по саду пробегусь.
Пусть лет с тех пор прошло уже немало,
Я сердцем буду помнить все равно,
Ведь в той родной заре навек осталось
Детство босоногое мое.

Елена Мискевич

КУРЧАТОВ (К 50-ЛЕТИЮ)

Рыжих листьев кружат карусели,
В небе просинь, стога облаков...
Я шагаю проспектом осенним
Под глухой перестук каблуков.
Не спеша я иду и люблюсь
На костер из рябиновых бус,
Предвечернее золото улиц,
Спелой осени пробую вкус...
А вы помните эти рябинки?
Комсомольцы полвека назад
В рюкзаках привезли хворостинки,
Чтобы здесь заложить город-сад.
И случилось- наш город поднялся,
Вместе с нами он рос и взрослел...
Боже, как я люблю возвращаться
В этот малый родимый придел!
Греет душу мне звездная россыпь
Теплых окон вечерней порой.
А вон там, за той шторкой в полоску
Ждет меня человек мой родной.
И пусть трудно нам всем временами,
Здесь живу и пишу- здесь мой дом.
Я люблю каждый двор, каждый камень,
Каждый тополь... и листья на нем.
Город мой, птицей гордой, красивой
Обнял крыльями водную гладь.
Ты был создан, чтоб силу России-
Мирный атом в ладонях держать.
Ты для песни стал чайкой крылатой,
Для души- обручальным кольцом.
С твоим атомным сердцем, Курчатов,
Мое сердце стучит в унисон.
Мы не имеем права на беспамятство
"Мы не имеем права на беспамятство..."-
Сказал с телеэкрана журналист...

И той войны года и дни кровавые
Из памяти стирать мы не должны.
Мы не должны позволить заменить
Истории живое полотно
На суррогат, ползущий в нашу жизнь
Из западных книжонок и кино.
Нельзя, чтобы бурьяном и полынью
Позаросли могилы тех солдат,
Что гибли за пожарища Хатыни,
За Ржев, за Курск, Москву и Сталинград.
Есть "патриоты" от образования,
Которые считают, что в их власти
Перекроить всю школьную программу,
Урезать в самой важной ее части.
Итог таков- с экрана молодежь
Наморщив лоб, усиленно подумав
Не может дать ответа на вопрос-
22-е - что за день в июне?
А есть еще дельцы иного сорта-
Ради прироста на своих счетах
Элитные поселки строить, корты
Готовые на памятных местах...
Там, где жестоких битв гремели грозы,
Где стар и млад кровь лили на поля...
Той кровью плакали березы...
И принимала павших мать-земля.
Неужто место памяти святой,
Рукой нечистой взятой на закланье,
Лишь на задворках совести людской
Иль в дальнем ящике народного сознания?!
Чтобы потомки наши не гадали,
А знали впредь где правда, а где ложь,
Хранили гордо прадедов медали
Историю ценить не стоит в грош.
Мы не имеем права на беспамятство!-
Как прав, сказавший это журналист!
Склоните ж головы пред нашим славным знаменем
За лучший на планете дар- за жизнь!

Елена Мискевич

ОСЕНЬ

Вышла в поле художница-осень,
В руки взяв волшебные кисти.
Расплескала по небу просинь,
В хохлому расписала листья.
Не грусти, березка родная,
Что аллюром промчалось лето.
Изумруды носила в мае?
Что ж, нынче в золото вся одета.
Ярче зелень мохнатых сосен,
Чуть темнее лесная заводь,

И вдоль узких заросших просек
Пламенеет рябины замаять.
А на мшистых болотных кочках,
Унизав паутины нитку,
Словно крупные капли крови
Ожерельем горит брусника.
Серебристым прозрачным шелком
Тихо дождь шелестит грибной.
И толстяк-боровик под елкой
Свой берет примеряет вновь.
Стаи птиц, как седой картограф,
Лучше компаса юг укажут...
Эй, художница, ставь автограф!
Ты талантлива, что тут скажешь!

Рождаются строчки одна за другой
И ночь не дает мне покоя...
И тот, кто моей управляет рукой,
Не скажет что это такое.
Откуда берутся в моей голове
Простые и сложные рифмы,
Ясно и точно слагая в момент
Словесные алгоритмы?
И мысль беспокойно стучится в висок
И рвется оттуда наружу
Холодной водой на горячий песок
И пламенем в зимнюю стужу.
И спросят меня: "Ну скажи почему?
Иль это дано тебе свыше?
А может не нужно оно никому,
А ты вот все пишешь и пишешь?"
На этот вопрос я ответ не найду,
Вот только душа не на месте,
Пока на бумагу я словно в бреду
Не выплесну стих или песню.

Елена Мискевич

Я как-то раз родился не тогда,
А мог бы в свет прийти совсем в другое время
Я мог бы видеть инков города,
Я мог бы пережить последний день Помпеи!
Я мог бы самый первый принести огонь
В ту первобытную холодную пещеру
И в лунный грунт я мог бы погрузить ладонь
И Эвереста пик увидеть мог бы первым
Я должен был Америку открыть
Пройти ее насквозь и в тихом океане
Я мог бы самым первым быть...
Всей мировой истории сюжет держа руками...

На самом деле видел я весь мир
С возможных ракурсов и в разных панорамах
Я посещал Луну, Америку, Памир,
Ни разу не сойдя с дивана...
В том виновато наше время, а не я,
Что об открытиях великих лишь мечтая,
Со скукой по каналам в телевизоре скользя,
Я каждый день бутылку пива открываю!

Я как-то раз в стране стал жить не в той...
Наверное, я должен был бы жить в Париже
В Шампани рос бы виноградник мой...
А я играл бы на Нью-Йоркской бирже!
А может я в Бразилии пигмей,
Петляя на пироге в сельве амазонской,
Охотился на обезьян и змей...
А может где-нибудь в провинции Японской...
Я самурай! Вассал и господин!
Сын чести, над собой катану вскинув,
Сражался с целой армией один,
Свой Бусидо достойно завершил, в бою погибнув!
А может в Древнем Риме я центурион,
А может в Колизее голыми руками,
Дерусь за то чтобы не быть рабом,
С такими же как я рабами...
На самом я доволен всем
Мне говорят, что должен быть доволен
Живу в квартире, регулярно ем...
А главное здоров, когда не болен...
В том виновато наше время, я не вру,
Что в прогрессивном двадцать первом веке,
Последнюю модель Айфона я в кредит беру
Живя рабом двенадцати процентной ипотеки!

Я как-то раз женился не на той...
А мог быть Клеопатрой околдован!
Египет был бы покорён моей рукой
И вновь назад царицею в постели отвоеван!
Я мог иметь гарем из многих жен,
И обязательно бы там была своя Шахризада!
И каждый раз я был бы новой сказкой оболещен
В спокойствии ночей великолепного Багдада!
Моя жена должна была любить
Так сильно, яростно и каждый раз так ново,
Чтоб ревновать, страдать и если уходить,
То как Каренина, под поезд у Толстого!
Вокруг меня, так много женских тел
Ухоженных, с фигурой как в журнале...
Лишь заплати, а все что я хотел
Уже как на витрине, в инстаграм-канале!
Моя жена готовит мне обед
И каждый день за мной стирает, убирает,

А у меня к ней, видите-ли, страсти нет
И я сети варианты подбираю...
В том виновато наше время, не мужчины,
Что в гонке за рекламным совершенством
Меняем раз в три года мы машины
А иногда меняем своих женщин...

Я как-то раз жил жизнью не своей
Свою же растратил по частицам
И вместо стаи неподкупных журавлей
Я предпочёл продажную синицу...
Я цену дням своим определил,
Не смыслом их наполнил, а деньгами
И за свои часы, рубли я получил,
А в банк процент отнес своими же годами.
Себя в себе я, убивая каждый раз,
Смотрю на мир вокруг как зритель,
Я жить не стал, и просто без прикрас
Я среднестатистический товаров потребитель.
И вместо подвига и верности идей,
Лицом к лицу с людьми я даже не вставая,
Репостами лечу больных детей
И чье-то горе лайком разделяю...
В том виновато наше время, а не я...
А может быть правительства программа,
Что мне, такая как у многих, но своя
Досталась вместо жизни монодрама...

Владимир Яников

Я ехал по Курску, Смоленску и Брянску
По то же дороге где дед и отец
Друзей оставляя в могильниках братских
Ужасной войны приближали конец

И где бы я не был везде воевали
Здесь мы побеждали, там нас убивали
Они захватили, мы освобождали
Кого-то рубили в кого-то стреляли

И каждый по своему выжить пытался
И кто-то без страха в тылу укрывался
А кто-то безумно, до крика боялся
Но шёл на дрожащих ногах и сражался

Вон там на пригорке мальчишка вчерашний
Отход прикрывая погиб в рукопашной
А рядом в логу политрук с пулеметом
За этот отход расстрелял его роту

За этот посёлок, от силы три хаты,
Зубами вцепившись держались солдаты

А там целый город без боя сдавали
И орды фашистов цветами встречали...

Сегодня историю пишут по новой
Но я постараюсь, чтоб сын мой усвоил
Что гибли в бою миллионы людей
Они за нацизм, ну а мы за детей

И чтоб своим внукам он позже поведал
Что гибли за МИР в той войне наши деды.
Чтоб больше никто не посмел говорить
Что этот кошмар может он повторить.

Владимир Яников